

ЕВГЕНИЯ
КРЕТОВА

КРАСАВЕЦЬ для УДОВИЩА

романтические детективы

Евгения Кротова
Красавец для чудовища
Серия «Романтические детективы
Евгении Кротовой», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42744258
Красавец для чудовищ / Евгения Кротова: Авторское; 2023

Аннотация

За спиной ее зовут "Стерва" и "Акула". Беременность помощницы и появление в офисе карьериста, претендующего на место ее зама, круто меняют ее жизнь. Она бы послала его ко всем чертям, но он единственный человек, который точно не замешан в похищении документов из офиса. Единственный, кому она сейчас может довериться.

Книга переиздается в новой расширенной версии.

Содержание

Беременные мозги	5
Да наступит завтра!	11
Недетская неожиданность	17
Рабочие будни	26
«Аполлон»	30
Синьорина	33
Утро	40
В чужой постели	44
Наглость – второе счастье	51
Приключения начинаются	56
Темные пятна	60
Главбух и другие ценности	65
Сделка	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Евгения Кротова

Красавец для чудовища

© Евгения Кротова, 2023

Беременные мозги

Она терпеть не могла утро – и саму себя по утрам. Мягкая, непривлекательная физиономия, волосы-мочалка, тоска в глазах. Наверно, по этой причине ее зеркало в ванной комнате – просто кружок на горбатой пружине, размером с пирожковую тарелку. Его можно было отвернуть и не портить себе на весь день настроение.

Тридцать восемь – это вам не «шышнадцать», говорила себе Инга Широкова.

6-20. Первый сигнал будильника.

6-25. Второй. Слепившее яркостью окошко со списком пришедшей за ночь почты, вереница приветствий «Дорогая Инга» на всех языках Европы. Инга свернула список. Откинувшись на подушке, подарила себе еще пару минут тишины и покоя.

6-28. Неожиданно задремала.

6-45. Спасительный сигнал второго будильника, торопливый подъем, выдергивание себя из-под одеяла. Аромат свежемолотого кофе наполняет уютную, современно оборудованную квартиру. И вот уже Инга спешит по коридору, что-

бы через пятнадцать минут выпорхнуть из ванной самодостаточной и адекватной преуспевающей женщиной. Она часто думала, что надо памятник поставить тому человеку, который придумал тональный крем и декоративную косметику.

«Хотя, может, уже стоит где? Надо погуглить...»

7-28 утра. Воркование Audi последней модели, – ее милшки, ее прелести, не ведающей, что такое прокуренный салон и небритый чел на водительском сиденье.

Инга включила магнитолау – из динамиков полилась прерванная вчера история: за неимением свободного времени молодая женщина пристрастилась к аудиокнигам. Особенно приятно слушались мужские голоса. Что-то подсказывало, что не из-за патологического отсутствия личной жизни. Но она гнала подобные мысли от себя, ведь она самодостаточная преуспевающая женщина. Адекватная!

Расправив зеркала заднего вида, юркое авто вынырнуло с парковки на проезжую часть.

Рабочий день, здравствуй.

Сегодня повезло – она собрала всего три светофора на выезде на проспект Вернадского, зато потом – совершенно свободная дорога до самого офиса. «День-то, кажется, задался!»

8-12. Зеркальные двери офисного центра автоматически распахнулись перед высокой блондинкой в светлом деловом костюме. Дежурная, но приветливая улыбка девушки-администратора. Внимательный кивок секьюрити. Мягкий рывок лифта вверх, на семнадцатый этаж, в личные владения.

Инга Павловна Широкова, тридцать восемь лет, генеральный директор и единственный учредитель консалтинговой фирмы «Jus Olympic¹» собственной персоной.

– Инга Павловна, – у лифта ее караулила Лариса, начальник отдела арбитражной практики. Судя по красным глазам и взъерошенному виду, сотрудница еще не уходила домой. – Исковое по «Мерилл Консалтинг» подготовила, нужно, чтобы вы подписали. И Наташа обнаружила, что у нее истек срок доверенности.

Наташа – юрист Ларочкиного отдела, девушка толковая, но, судя по всему, не слишком внимательная: не проверить накануне судебного заседания доверенность на ведение дела такая небрежность может обернуться катастрофой. Хорошо хоть это сейчас выяснилось, а не у судьи в приемной. Инга кивнула.

Подхватив протянутую ей папку с документами, посмот-

¹ Jus – право (лат.), Olympic – олимпийский (англ.).

рела на Ларочку холодно и сразу почувствовала, как напряглась подчиненная, как вжалась на пару сантиметров ее шея и словно прижались к голове маленькие розовые уши. Широкова умела наводить ужас одним взглядом.

– Хорошо, я посмотрю, – ледяным тоном уронила она. – Если все нормально, подпишу. – Поравнявшись с Ларисой, она поправила очки. – И Наталью ко мне отправь.

Ларочка сникла, приклеилась к стене, пропуская начальницу вперед. Очевидно, в надежде растаять. Инга обернулась:

– Лариса, объясни мне, пожалуйста, как ты собираешься работать в таком виде весь оставшийся день?

Лариса смутилась, покраснела, поправила выбившуюся из прически прядь, покосилась на двери лифта.

– Я... я... Э...

Помимо своего отражения с утра, Инга терпеть не могла, когда мямлят.

– Работать надо так, чтобы все успевать в рабочее время. Если начальнику отдела арбитражной практики одной из крупнейших консалтинговых фирм Москвы приходится заниматься делами еще и ночью, это говорит лишь о его отвратительном тайм-менеджменте.

Лариса стала пунцовой, опустила глаза.

Широкова покачала головой, чтобы показать крайнюю степень своего возмущения, и добавила:

– Иди домой. До шести вечера даю тебе время привести

себя в порядок. В шесть доложишь по искам Соловьева и Магρίнычева, расскажешь, что решили с обоснованием.

Лариса с благодарностью кивнула.

Инга удовлетворенно повела плечом: хочешь, чтобы тебя считали строгой, но справедливой, будь стервой.

Она толкнула прозрачные створки своей приемной.

Ирочка уже сидела на месте, уставившись в монитор, и глупо улыбалась. Завидев начальницу, торопливо нацепила на округлившуюся мордашку деловое выражение.

– Доброе утро, Инга Павловна.

– Доброе, Ира. Пометь у себя – на шесть я назначила совещание с Ларисой Витальевной. Отмени все остальные встречи.

Ирина засуетилась, опрокинула пластиковый органайзер, карандаши с грохотом рассыпались по черной столешнице. Секретарша схватила блокнот, чиркнула в нем несколько слов и замерла с остолбенелым видом, побледнев до синевы под глазами.

– Что еще? – Широкова уже чувствовала неладное. Вопрос только в том – насколько оно неладное.

– Инга Павлов-ик-на, – икнула помощница. – А у вас на шесть назначена встреча... С итальянцами на Краснопресненской.

Инга тихо чертыхнулась:

– Я, кажется, еще вчера просила тебя ее перенести.

Лицо секретаря покрылось малиново-красными пятнами.

– Просили, – промямлила она. Вытерла рукавом испарину со лба. – Я, кажется, забыла.

«Один, два, три, четыре, пять. – Инга прикрыла глаза, заставила себя сосчитать до десяти. – Метод аутотренинга, он поможет. Обязательно. Господи, дай мне сил прожить этот день, так как завтрашний принесет мне нового толкового небеременного секретаря. С нормальными небеременными мозгами». Инга медленно выдохнула, тихо посоветовала:

– Звони сейчас. Иначе рискуешь поехать на встречу к ним сама, – и дернула ручку двери своего кабинета.

– Инга Павловна, но как же, – запричитала Ирина, выползая из-за стола и выдвигая грузный преддекретный живот.

Широкова с шумом закрыла дверь.

Завтра.

В ее жизни все наладится завтра.

Да наступит завтра!

Завтра началось с такого же мятого вида, как обычно, с привычной кружки горячего кофе. С более тщательно подобранной блузки и более модной, но чертовски неудобной дамской сумочки: сегодня встреча с итальянцами, надо соответствовать.

Что там говорили про санкции? Кому тетка чужая, кому мать родная. Чем больше правовых проволочек, тем лучше живут юристы. Инга не жаловалась. Отработанная схема, при которой российские партнеры получают желаемое оборудование и комплектующие, а итальянцы (французы, немцы, американцы, и далее по списку – нужное подчеркнуть) – гарантии, прозрачную отчетность, сохранение партнерских связей, собственной деловой репутации, рынка сбыта и стабильного дохода.

Сегодня – встреча с очередным «уклонистом»: горит контракт. Обязательства, к которым в деловых кругах относятся куда более трепетно, чем в политических, а тут наезд итальянского МИДа (конечно, с извинениями в личку генеральному директору концерна). Придется действовать спешно, так как если не успеют, то таможенники развернут груз на выезде из ЕС, а партнеры впаяют бедолагам штраф с пятью нолями. В евро. Ей, Инге, готовы заплатить за разовую услугу сумму с четырьмя нолями. В евро.

Инга посмотрела на свое отражение в единственном большом зеркале, в котором она отражалась вся – от льняных волос, рассыпавшихся по плечам затейливым каскадом, и очков в модной оправе, до остроносых туфель, телесных, в цвет шелковых, пижонски расклешенных брюк.

За спиной ее называли стервой. И это самое культурное из прозвищ. Остальные на приличном телеканале запикали бы. Она двигала крупные «мужские» бизнесы плечом, легко, походя. Пользуясь, где надо, очаровательной улыбкой и нежным голосом. Едва заметное прикосновение, многообещающий кивок. Доверительный поворот головы.

Конечно, умудренные жизненными невзгодами заказчики предпочитали иметь дело с ней, а не с пропахшими сигаретами конкурентами Инги. В конце концов, если профессиональный результат так же сногшибателен, почему не порадовать себя обществом красивой молодой женщины. Пожилые владельцы концернов и холдингов, седовласые, уставшие от выходов любовниц, таяли в обществе умной женщины, не рискуя предложить ей ничего, кроме похода в оперу: бизнес и репутация превыше всего.

Она лукаво улыбнулась.

На сегодняшних итальянцев посягал Хромов, ее давний оппонент, еще с института. Он учился курсом старше, активно подбивал клинья, но был застукан за обсуждением с друзьями ее груди. За что получил по морде и с тех пор разыгрывает обиженную непосредственность, переманивая заказ-

чиков. Сволочь. Пару раз ему это даже удалось.

Но зато реванш был впечатляющий.

Хромов представлял в суде клиента-перебежчика от Широковой, а Инга взялась из принципа вести дело их конкурента. Хромов нагло ухмылялся – подопечный Инги в самом деле накосячил со сроками выполнения работ, и неустойку по претензии ему впаяли на вполне законных основаниях. Только Хромов всегда был небрежен к деталям. К сноскам. К приложениям. К фразам вроде «если только не».

Вот это «если только не» и сыграло с ним злую шутку: контракт прописывал освобождение от ответственности клиента Инги в случае непередачи промежуточных актов сдачи-приемки работ заказчиком, клиентом Хромова. И вот тут – та-дам – в договоре обнаружилось примечание: факт передачи таких актов должен быть подтвержден документально. Однако такого документа не было. А было письмо-претензия Ингиного клиента с требованием предоставления подписанных заказчиком актов сдачи-приемки этапов работ. Все как полагается – заказное письмо с уведомлением, отметка о приеме, входящий номер, дата регистрации. «Опись, протокол, сдал-принял», как говорил незабываемый герой актера Папанова².

Инга навсегда занесла этот момент в число своих личных побед, в папочку под названием «Хромов – козел и пусть так будет с каждым, кто посмеет меня обсуждать». Он лениво

² Фраза из кинофильма «Бриллиантовая рука», реж. Л.Гайдай.

довел позицию истца до суда, подтвердил суть исковых требований, вальяжно ответил на парочку ее вопросов и, снисходительно подмигивая, развалился на стуле в ожидании ее доклада. Инга выкладывала факты постепенно, вбивая каждый последующий, словно гвозди в гроб его блистательной карьеры юриста-арбитражника, – четко и по пунктам, оставив заветное «если только не» вишенкой на торте.

Сволочь Хромов усмехался какое-то время, отплевываясь от ее доводов, как деревенский хулиган – черешневыми косточками, и усердно пытаюсь сохранить лицо. Клиент-перебежчик нервничал, смотрел на Ингу побитой собакой. И с каждым новым доводом с физиономии Хромова медленно сползала ухмылка, стекала уверенность и непоколебимость, как свечной воск. И вот уже модная трехдневная щетина сделала его похожим на бомжа с Казанского вокзала, а шикарный пиджак от Армани будто стал на несколько размеров больше.

Инга торжествовала.

После финального аккорда она посмотрела на незадачливого конкурента – жалкого, уничтоженного, пристыженного – в упор и ослепительно улыбнулась, пожелав удачи: ему предстояло объяснить клиенту, как так вышло, что из обещанной Хромовым позиции «все в ажуре» они получили полный и оглушительный провал.

Это он еще не знает, как Инга разыскивала бедолагу-подрядчика, уговаривала показать контракт и в итоге вела дело

бесплатно: ее гонорар предполагался только по факту вынесения решения суда в пользу Ингиного клиента.

Подхватив сумочку, сегодняшняя Инга выпорхнула на лестничную площадку, но прямо на пороге своей квартиры столкнулась с соседкой Ольгой: та разворачивала в узком коридоре коляску. Получалось не очень ловко, так как действовала она одной рукой, а во второй держала годовалого Ванечку. На плече, отдавливая его, болталась сумка с детскими принадлежностями.

– Привет, Инга, все хорошеешь, – с завистью проговорила соседка.

– Держу марку, – Инга закрыла дверь, с удивлением машинально отметив царапины около замка. Втянула и без того плоский живот, чтобы просочиться между Ольгой и стеной и вырваться к лифту раньше нерасторопной мамочки.

Нет, Инга была не из этих, новомодных «чайльдфри». Но она упорно не понимала, почему молодые девчонки, заполучив «принца» на белом коне, родив ему ребенка и устроившись на мужниных плечах, считают себя жертвами обстоятельств. Останься с такой наедине в лифте – замучает рассказами о цвете испражнений ее ненаглядных деточек.

«Может, и правда разжижение мозгов в связи с беременностью и родами?» – отстраненно подумала Инга и раздраженно выглянула из лифта: Ольга все еще пыхла, разворачивая неудобную коляску.

– Оль, тебя ждять? – инстинктивное желание помочь бо-

ролось с воспоминанием о шпильках и светлых брюках, которые требовалось сохранить в идеальном состоянии до четырех часов дня.

Соседка промычала что-то нечленораздельное. Инга не выдержала, вышла из лифта и, выхватив неповоротливый агрегат на четырех колесах из рук соседки, потянула его к лифту. Конечно, по светлой брючине тут же мазнуло серым, оставив на ткани полоску. Инга мысленно чертыхнулась.

– Спасибо, Инга, – Оля заползла в лифт, придерживая сумку для прогулок – необъятного размера баул в зеленую клеточку. Инга закатила глаза, но промолчала. – У Ванечки первые зубки. – При этих словах Инга икнула, подумав, что началось, а соседка торопливо продолжала бесцветным голосом: – Совсем не спит. Стасик нервничает. А ему на работу с утра, вот я Ванечку всю ночь на руках качаю. Чтобы не плакал. А свекровь подсказала, чтобы не приучать его к рукам, надо в коляску на ночь укладывать. А Ванечке неудобно. Он в коляске гулять привык... Да и мне потом приходится спускать коляску вниз...

Инга не услышала окончание эпопеи – лифт довез их до первого этажа и, распахнув двери, выпустил в холл. У лифта мялись несколько жильцов, Инга вздохнула с облегчением, махнула соседке рукой – Ольге кто-нибудь да поможет спустить коляску, – и рванула на стоянку.

Недетская неожиданность

Инга добралась до парковки офисного центра чуть позднее обычного. Привычно поднялась на свой семнадцатый этаж. Кивнув сотрудникам, промчалась к кабинету: Ирины в приемной, хвала богам и Трудовому кодексу, уже не было.

Но на ее месте восседал шатен.

Тонкий греческий профиль, карие с золотистым блеском глаза, аккуратная бородка в стиле испанских конкистадоров. Чуть выющиеся волосы до плеч аккуратно зачесаны назад. Идеальный костюм идеально сидел на идеально широких плечах. Аристократично ненавязчивый аромат мужского парфюма с нотками бергамота и иланг-иланга довершал картину «не ждали».

Инга застала незнакомца за тем, что тот методично снимал розовые и оранжевые стикеры-напоминалки с Ирениного монитора, магнитной доски, стола и клавиатуры. На вошедшую в приемную Ингу он посмотрел с вежливым интересом и дежурно улыбнулся.

– А Инги Павловны пока нет, – констатировал незнакомец мягким баритоном.

Инга икнула:

– Я в курсе. Я и есть... Инга Павловна.

Молодой человек привстал, широко, но без заискивания просиял. Оправил пиджак и, выйдя из-за стола, первым про-

тянул руку:

– В таком случае, доброе утро. Василий Швецов, ваш новый помощник руководителя. Направлен кадровым агентством «Пересвет».

«Черт, почему я отказалась заранее познакомиться с кандидатами?» – мелькнуло в голове Широковой.

Просто, когда в заявке в графе «пол кандидата» указываешь желаемое «женский», даже не предполагаешь, что может получиться вот так.

Широкова вяло пожала протянутую руку, задумчиво нахмурилась.

Молодой человек решил объясниться.

– Вероятно, вы удивлены. Меня поставили в известность, что вы требовали помощника женского пола. Я настоял на своей кандидатуре, потому что я – лучшее, что могло предложить вам кадровое агентство. И мой пол – единственный недостаток, который при ближайшем рассмотрении окажется неоспоримым преимуществом: я не забеременею, – он иронично хмыкнул. – Но если это случится, то обещаю поделиться с вами денежным вознаграждением от Нобелевского комитета.

Инга обреченно вздохнула: только наглого юмориста ей в приемной не хватало.

– Проходите, будем знакомиться, – она кивнула на дверь своего кабинета и вошла в него первой.

Молодой человек последовал за ней, аккуратно притво-

рил матовые стеклянные двери, уверенно прошел к шкафчику с кофейными принадлежностями, щелкнул выключателем кофемашины.

По кабинету разлился уютный аромат и смешался с мужским парфюмом, вытесняя намек на ее, Ингино, существование.

– Василий, расскажите о себе, – начальница с интересом изучала собеседника.

Отметила уверенные движения, легкие и непринужденные – он ни капли не нервничал, смотрел с любопытством, но при этом не навязывался. Держался подчеркнуто вежливо и с достоинством. Достав кофейную чашку из комода, наполнил свежесваренным кофе и установил на поднос.

– Сахар или сахарозаменитель? – едва заметно повернулся к Инге.

– Сахар, – автоматически отозвалась та, наблюдая за его пальцами, которые разорвали длинный, словно сигарета, пакетик, и опрокинули его в чашку. Положив на блюдце сухой крекер и крохотную шоколадку, секретарь деликатно приблизился к начальнице и поставил его перед ней, а сам отошел к месту для посетителей. Учитывая, что Инга не предложила ему занять одно из кресел, выбрал то, что оказалось ближе к нему, сел за стол.

– Мне двадцать восемь лет. Приехал из Калуги, где у меня был свой бизнес, правовое агентство «Черемисов и партнеры». Я, собственно, и есть партнер. Мы занимались преиму-

ественно арбитражной практикой. Вы можете посмотреть информацию о компании.

– То есть вы юрист? – Инга взяла чашку с кофе, но, услышав признание нового помощника, изогнула тонко очерченную бровь, поправила очки. – Почему бросили это дело и подались в секретари?

– Не в секретари, а помощники руководителя, – напомнил Василий. – Причем в крупнейшую в Москве консалтинговую фирму. – Отметив, что Ингу его слова не устроили и она ждет прямой ответ на прямой вопрос, продолжал: – У нас произошел конфликт с Владиславом Черемисовым. После некоторых обстоятельств профессионального плана, о которых считаю вправе не распространяться, я не захотел работать с ним. Продал долю и уехал. Здесь, в столице, зарегистрировал фирму, начал с нуля. Но здесь я «ноунейм»³. Нет ни нормальной платежеспособной клиентской базы, ни интересных дел, с помощью которых можно эту базу наработать. А с физиками⁴ далеко не уедешь, сами знаете.

– Почему не устраиваетесь в юридической фирме в качестве юриста? – Инга чувствовала подвох.

Молодой человек положил руки на спинку кресла для посетителей. Инга не могла не отметить, что он вел себя сдержанно и естественно, как человек, который решает, а не подчиняется. Снисходительно усмехнулась своему наблюдению.

³ Noname – новичок, человек без имени.

⁴ «Физики» – физические лица, граждане (профессиональный жаргон).

Новоиспеченный помощник между тем заговорил:

– Я попробовал этот путь. Своевременно понял, что не справляюсь: я увяз в текучке, которую обычно поручают практикантам, сшивал дела, подсчитывал сумму исков, составлял описи дел. Я не протянул и месяца, почувствовал, чтодохну. Чтобы признать собственные ошибки, тоже требуется мужество.

Он вел себя так уверенно, и это обескураживало.

Он вел себя с ней, как с равной, словно его появление в офисе – действительно спасение для нее, Инги. Широкова решила развить эту мысль.

– Вы говорили, что ваша кандидатура – лучшее, что могло предложить мне рекрутинговое агентство. Откуда такая самоуверенность? – она сделала глоток обжигающего кофе.

Швецов покачал головой.

– Это не самоуверенность, Инга Павловна, это признание очевидных преимуществ. Именно в силу своего образования и квалификации я не просто дополнительная пара рук и ног. Я дополнительная голова, с довольно крепкими мозгами и каким-никаким опытом.

Инга задумчиво рассматривала его. Молодой, выглядит на свой возраст. Смутная кожа, но скорее она такая от природы, чем в результате воздействия южного солнца или солярия. Золотисто-карие глаза. Кошачьи. Вкрадчивые и располагающие. Он красив. По-мужски красив. В меру аккуратен и располагающе небрежен. Инга коротко взглянула на его

руки – отчего-то ей казалось, что руки мужчины говорят о нем гораздо больше глаз.

Длинные, артистические пальцы с коротко остриженными, отполированными ногтями. Рука лежит на темной столешнице, подушечки чуть подрагивают и то и дело отбивают дробь в такт речам Василия.

Подняв глаза, Инга обнаружила, что молодой человек разглядывает ее с точно таким же интересом.

Ингу неприятно опалило, будто она неосторожно заглянула в жерло вулкана. В лице Василия не дрогнул ни мускул, в его голосе не слышалось и тени волнения – этот сопляк точно знал, чего хочет. «Ну-с, послушаем, что же это такое», – подумала она, а вслух сказала:

– Интересное у вас представление о преимуществах... Ладно, зайдем с другой стороны. Каковы ваши планы, Василий? Вы же не собираетесь вечно оставаться в должности моего помощника? Я хочу знать, как далеко простираются ваши амбиции.

– Далеко. Я собираюсь стать вашим заместителем.

Инга растянула губы в улыбке, достойной удава Каа, изогнула бровь, отпила кофе и произнесла с иронией:

– Заместителем? А чего так скромно? Может, сразу на мое место стоит замахнуться?

Она хотела смутить его. Напрасно – он оставался таким же хладнокровным и собранным, только головой покачал.

– Нет, это категорически исключено. Потому что неэтич-

но и нецелесообразно: многие ваши клиенты «заведены» именно на вас. С другим специалистом и руководителем они работать не станут.

Инга вздохнула, внезапно устав от этого разговора:

– Ну что ж, благоразумно... Но, к сожалению, мне придется вас разочаровать, Василий: штатное расписание «Jus Olympic» не ведает должности заместителя генерального директора и вводить ее специально ради вас у меня нет ни малейшего желания. – Она отодвинула от себя пустую чашку кофе. – Я думаю, вам стоит подыскать себе другое, более перспективное место, соответствующее вашему опыту, знаниями и... амбициям.

Она встала, дав понять, что беседа завершена.

Василий остался сидеть на месте.

– Вас так шокировала моя откровенность? – Черт возьми, какой у него мягкий, чувственный голос. – Вы бы предпочли вранье с моей стороны? Я по-прежнему настаиваю, что как ваша правая рука с моими знаниями и опытом я окажусь для вас незаменимым. Например, оставленное на подпись исковое заявление в отношении «Мерилл Консалтинг» содержит ряд недочетов, главное из которых – отсутствие международной правоприменительной практики, а она существенно влияет на правовые процессы в рамках национального морского права, вам это прекрасно известно. Это окажется важным при рассмотрении дела. И еще: ряд положений необходимо осветить более подробно.

– Зачем? – Инга остановилась у окна, повернулась к собеседнику, впиалась в него взглядом. Все та же расслабленная, но при этом не развязная поза. Он ни капли не волнуется.

– Затем, чтобы исключить необходимость озвучивать эти обстоятельства непосредственно в суде, отвлекаясь от существования вопроса. Вы начнете разбирать эти мелочи, в итоге судебное следствие уйдет в сторону, запутается, и ваши основные аргументы засыплются ворохом второстепенной информации. Речь представителя ответчика вообще сведет ваши доводы на нет. В противовес сказанному, если вы включите международную правоприменительную практику в исковое заявление, то заставите ответчика проверять их, и выстраивать защиту, опираясь на них. Не мне вам рассказывать, сколько времени и сил у него это отнимет. Если иск будет подан в нынешнем виде, я прогнозирую проигрыш по данному делу,

Инга чувствовала, как в ее груди загорается нечто, напоминающее Везувий: этот сопляк вздумал ее учить.

Меж тем Василий встал, направился к двери и, выйдя на несколько секунд в приемную, тут же вернулся с тонкой папкой в руках.

– Взгляните, я отметил места, которые следует уточнить, и сделал пометки, в каком направлении следует внести изменения.

Инга смерила его взглядом. От идеально уложенных волос до безупречно начищенных носков туфель.

– Вон.

Молодой человек замер, золотистые глаза потемнели:

– Что?

– Я сказала – пошел вон, – отчетливо повторила Инга, кивнув на неплотно прикрытую дверь в приемную. – Назад, в кадровое агентство.

Парень прищурился, бросил на нее быстрый взгляд, положил папку на угол стола и с достоинством вышел, тихо притворив за собой дверь.

Рабочие будни

«Черт. Вот зачем полез?» – Василий притворил за собой дверь кабинета Широковой и замер. Шумно выдохнул и упер руки в бока. Ситуация вышла из-под контроля, а ему казалось, что все играет в его пользу. Но Широкова оказалась стервой не только по слухам, но и на самом деле – завелась из-за того, что он начал критиковать ее команду. Наверняка она перепроверит его правки, наверняка даст нагоняй ответственному за дело юристам, но это будет за закрытыми дверями. Только она имеет право казнить и миловать в этих окрашенных в благородные золотистые тона стенах.

Василий поймал себя на мысли, что хотел бы оказаться на месте сотрудников Инги Павловны, чтобы и за него тоже кто-то стал горой.

В его практике такого еще не бывало. На самом деле он понимал, что допустил ошибку уже в первый момент, когда сказал «Инги Павловны еще нет». Ведь прекрасно знал, как она выглядит – на сайте «Jus Olympic» была размещена фотография Широковой. Поэтому, когда она появилась в офисе, он ее узнал. И запаниковал, как мальчишка. И вот тогда-то она и составила о нем превратное мнение.

«И что теперь делать?» – он посмотрел на рабочий стол, ставший уже практически его столом, на стопку неразобранной корреспонденции, почувствовал растущее раздражение

– он в самом деле полезен фирме Широковой! Он и сейчас готов подписаться под каждым словом, сказанным в ее кабинете. Он сам, когда был руководителем хоть и небольшой, но своей фирмы, не раз выходил из себя из-за бестолковости секретарей, из-за неумения работать со спецификой юрфирмы. Грамотно перенаправить входящий звонок, заверить в компетентности юристов и дать необходимые рекомендации новому клиенту человек, умеющий лишь быстро нажимать на клавиши компьютерной клавиатуры, не мог. А ведь именно он – лицо всей фирмы. Тем более такой, как «Jus Olympic».

«К черту!» – он махнул рукой невидимому оппоненту и занял свое новое рабочее место так, словно начальница не бросила ему в лицо «Пошел вон!».

Расстегнув пиджак и оправив его полы, он открыл файл с реестром входящей корреспонденции, придвинул к себе папку с письмами. Скрепленная большой канцелярской скрепкой стопка распечатанных платежей и реестров – из бухгалтерии, на согласование Инге Павловне, тощая картонная папка с номером арбитражного дела и пометкой «перенес» от позавчерашнего числа, входящая корреспонденция на английском и итальянском – из посольства и от потенциального клиента с предложением о сотрудничестве.

Трезвон сотового заставил вздрогнуть – этого звонка Василий особенно ждал и боялся. Он ответил почти сразу, прикрыв звук ладонью:

– Да, есть новости?.. И что говорят?

Ему торопливо рассказывали, он хмурился и выводил на уголке отрывного календаря сумму «888 200» и под ними слова: «Десять дней».

– Вась, если через десять дней не сделают операцию, то будет поздно, – говорили из трубки. – Там никакие деньги уже не помогут, понимаешь? И я не знаю, что делать.

Василий знал.

– Хорошо. Я понял, я попробую это решить... Привет маме.

Он какое-то время задумчиво вертел сотовый в руке, смотрел на нарисованные цифры и слова. Времени для маневра оставалось все меньше. Тут или действовать решительно, или идти на попятную. Во втором случае не было никаких гарантий, что маме проведут операцию. В первом – что он успеет.

«Значит, надо поторопиться».

Василий работал и невольно прислушивался к тому, что происходило в кабинете Широковой. Приглушенный голос хозяйки, кажется, на английском, серебристый смех – еще капелька, и его можно было бы назвать кокетливым, но пока это был просто располагающий к доверию смех красивой и уверенной в себе женщины. «Которая голову оторвет тому, кто посмеет дотронуться до ее бизнеса и сотрудников», – невольно отметил Швецов.

В приемную вошла начальница отдела арбитражной прак-

тики – именно она приносила сегодня утром папку с делом по Мерилл Консантинг. Небрежно кивнула Василию и скрылась в кабинете Широковой. Из которого выскочила буквально через пару минут, вся пунцовая – и прижимая к груди ту самую папку, что оставил Швецов в кабинете начальницы.

«АПОЛЛОН»

«Черт бы побрал этого выскочку», – она просмотрела его пометки, понимая, что его взгляд «со стороны» дал ту самую чистоту восприятия, которую она всегда требовала от Ларисы и других начальников отделов и департаментов.

Набрала по внутреннему номер Ларисы, вызвала к себе.

– Переделай по правкам, – толкнула тонкую папку, с раздражением запустив, как кораблик, через стол, так что Лариса едва успела ее поймать. – Это дело развалит любой желторотик, который пришел вчера из ВУЗа.

Лариса покраснела, прижала документы к груди, словно нашкодившего ребенка, и пулей выскочила из кабинета. Инга уставилась в папку с документами на подпись, мрачно переваривая навязчивую мысль о том, что весь ее опыт и чутье не стоят ничего. Что придет какой-нибудь... с горы, и все рухнет, рассыплется в прах.

Посмотрев на часы, она поняла, что надо бросать безнадежное себя-жаление и себя-глодание и отправляться на встречу с итальянцами. С чувством захлопнув папку, отложила ее в сторону, на край письменного стола – займется по возвращении. Подхватила сумочку и направилась к выходу. Вспомнив, что осталась без секретаря, Инга достала содовый, чтобы вызвать такси, и вышла в приемную.

«Аполлон» с акульными амбициями обнаружился в прием-

ной, где он неторопливо переставлял папки. В тот миг, когда начальница фурией выскочила из кабинета, он, разложив офисную папку на столе, вставлял лист формата А4 в прозрачный файл.

– Что вы здесь делаете? – резко спросила Широкова.

То ли Аполлон, то ли акула невозмутимо поднял на нее глаза:

– В данный момент вставляю таблицу с описью вложения в титульный файл. Не знаю, почему столь очевидная вещь для упрощения документооборота раньше не пришла в голову вашего помощника.

Инга, забыв вызвать машину, рассеянно убрала сотовый в сумочку, поправила очки.

– Я вам велела убираться отсюда. И, насколько я помню, подчеркнула, что в ваших услугах не нуждаюсь. – Инга холодно прищурилась: «Аполлон» раздражал ее все больше.

– Я понял, – он вежливо кивнул, захлопнул папку и поставил ее на место, в ряд с папками точно такого же мышиного цвета. – Вы пригласите помощника, который вас устроит, и я передам ему дела. Ведь ваша Ирина уже в декрете, и вызвать ее вы не имеете права.

На его столе пиликнул городской телефон. Василий снял трубку с рычага, выслушав, коротко поблагодарил. Вернув трубку на место, сообщил:

– Такси ожидает вас на парковке. Госномер А 215 РУ.

Инга растерялась.

– Откуда вы... С чего вы взяли...

Молодой человек невозмутимо отозвался:

– Я сверился с вашим органайзером, оставленным Ириной. Увидел, что у вас назначена встреча. Заказал к нужному времени такси. Это не сложно. Мне вас сопроводить на встречу?

От навязчивого сервиса свело скулы. Инга поправила очки в тонкой оправе, бросила язвительно:

– Спасибо, в эскорте не нуждаюсь...

Она рассчитывала вывести его из себя. Но оказалось, что у «Аполлона» железные нервы. На дне золотисто-карих глаз загорелись насмешливые огоньки.

– За эскорт вам бы пришлось доплачивать отдельно, – он невозмутимо распрямился, кончики пальцев уперлись в гладкую поверхность стола. – Я могу присутствовать на встрече как ваш помощник. Все-таки вдвоем на такие мероприятия ходить удобнее. И выглядит это более профессионально.

Инга почувствовала, как дыхание сорвалось, а в груди едкой кислотой взорвалось раздражение.

– Если я и беру помощника на подобные мероприятия, то со мной ходят специалисты. В услугах делопроизводителя я на них не нуждаюсь.

Смерив выскочку холодным взглядом, она вышла из приемной.

Синьорина

– Синьорина Широков-ва, – белозубо улыбался Джакомо Северини, сотрудник посольства и юрист, как обычно картавя и неправильно расставляя ударения в ее имени. Он провёл Ингу в свой кабинет, где у низенького кофейного столика их уже ожидала компания из двух мужчин и молодой женщины сильно за шестьдесят. С женщиной Инга уже встречалась – это переводчик-синхронист, Алла Матвеевна. А вот остальные присутствующие оказались незнакомцами.

При виде Широковой мужчины привстали, заискрились европейскими улыбками. Вот интересные эти иностранцы. Французы небрежны. На любой встрече их много. Они жестикуют, перебрасываются шуточками, явно смешивая деловое с личным. Американцы холодны как акулы. Ледяная приветливость и внимательный колкий взгляд – это их визитная карточка. Инга отличит американца-дельца в любой компании. Испанцы очень похожи на наших предпринимателей: отдают работе внимания ровно столько, сколько требуется, чтобы достичь взаимопонимания. Делают это виртуозно, но не поддаются какому-либо форматированию или систематизации.

Итальянцы – это гремучая смесь всего вышеперечисленного. Они одной рукой могут подписывать многомиллионный контракт, а другой поглаживать коленку симпатичной

секретарши.

Вот и сейчас, точно понимая, что Джакомо представил ее исключительно с профессиональной точки зрения, отпустив максимум замечание, что она еще и чертовски привлекательна, итальянцы, тотчас забыв о причине встречи, уставились на ее грудь.

Тут Инга самодовольно ухмыльнулась про себя: ни черта они там не увидят. Такой поворот был предусмотрен и заранее минимизирован деловой блузкой. Она мысленно поаплодировала себе и протянула руку ближайшему гостю.

– Добрый день, – сказала она по-итальянски. Работа обязывала ее владеть на разговорном уровне несколькими европейскими языками. Перевод контрактов она поручала специалистам, а вот умение понимать общий контекст без переводчика не раз ее выручало.

Джакомо оказался сегодня особенно внимателен: устроил ее на удобном диванчике рядом с импозантным брюнетом, подал чашку чая с тонким ломтиком засахаренного лимона, придвинул вазочку с бельгийским шоколадом, ароматными ломтиками лимонного бисквита и фруктами. Это сразу насторожило Ингу.

Она предложила перейти к предмету встречи. Итальянцы деловито рассмеялись, передали в руки собеседницы папку с документами и описью застрявшего груза. Инга пробежала глазами мелко набранный текст, уже прикидывая наиболее удобную схему. Ее отвлекло ненавязчивое прикосновение:

пожилой итальянец смотрел на нее с восхищением, говорил сумбурно и настойчиво.

Представился как Гильермо Далаверди. Он оказался владельцем крупной транспортной компании и хотел, кроме всего прочего, чтобы при перевозках клиенты Инги приглашали его агентство. Он обещал щедрый процент от каждой сделки.

Инга, наконец, разобравшись в сути сказанного, вежливо улыбнулась:

– К сожалению, я вряд ли смогу быть вам здесь полезной: мои клиенты принимают решение самостоятельно. Если ваша фирма обладает достаточным количеством рекомендаций, имеет соответствующий парк автотранспорта и контейнеров, то, уверена, вы и так сможете заполучить любого заказчика. И без моего вмешательства. Я здесь – лишнее звено, влияющее на стоимость услуги.

Итальянцы переглянулись, их тонкие губы растянулись еще шире. Импозантный сосед наклонился к Инге и, интимно положив руку поверх ее пальцев, чуть сжал их.

– Ваш профессионализм восхищает, синьорина Широкова, – многозначительно уронил он. – Знаете, чаще всего предприниматели не отказываются от таких сделок...

– Бесплатный сыр, знаете ли, только в мышеловке, – пояснила Инга, откровенно раздражаясь.

Она бросила сердитый взгляд на Джакомо – тот даже не пытался как-то переключить настырных соотечественников

и вернуть беседу в первоначальное русло. Инга подозрительно прищурилась, догадалась: посольский работник затеял встречу не ради «горящего» груза. А ради этого идиотского предложения.

«Раз, два, три, четыре», – Инга снова принялась считать про себя в надежде унять злость: Джакомо прекрасно знал, что она не станет участвовать в такой сделке. И в конце-то концов, итальянцы могли приехать к ней в офис. Зачем было выдергивать ее посреди рабочего дня? Инга подавила в себе досаду, намереваясь встать и распрощаться.

Это движение не ускользнуло от внимания импозантного соседа:

– Могу ли я вас проводить? У меня автомобиль с водителем – знаете ли, не роскошь, а необходимость в незнакомом городе.

Инга покосилась на часы: если она быстро вернется в офис, то еще успеет отработать исковое по «Мерилл Консалтинг».

– Можете, – кивнула она. – Только если это вас не затруднит.

Ее согласие отразилось неожиданным облегчением на лицах итальянцев, что насторожило Ингу еще больше. Джакомо так вообще буквально расцвел на глазах.

Она встала. Импозантный сосед последовал за ней, галантно открывая двери, пропуская вперед, источая комплементы, прося опереться на его руку при спуске с широкой

мраморной лестницы. Инга молча принимала ухаживания до вестибюля, где двойная дверь скрыла ее и от видеокамер, и от любопытных глаз случайных прохожих. Едва захлопнулась внутренняя дубовая дверь, она сделала шаг назад, не позволив открыться внешней. В тесном пространстве перехватила руку итальянца и с такой силой вывернула его пальцы, что на красивом лице разом отразились муки всех натурщиков знаменитого итальянского художника Караваджо.

– Что происходит? – прошипела она в лицо собеседнику.

– Н-ничего, – пролепетал мужчина, краснея. Бисеринки пота собрались на его висках. Инга сильнее вывернула вспотевшие пальцы иностранца. Тот закатил глаза и произнес: – Джакомо верит, что синьорина – великолепная партия для князя Энрико.

Инга моргнула, чуть ослабила хватку:

– То есть как «партия»? Какого князя Энрико?

– Энрико Каравалли, – повторил мужчина и сдул со лба изящный локон.

– Да кто это, черт вас возьми?

– Я, – выдохнул мужчина и вымученно улыбнулся.

Инга отпрянула, высвободила его руку.

– Бред какой-то! У вас своих нет?

Она толкнула внешнюю дверь, вырвалась на крыльцо. Импозантный князь, правда, теперь уже не такой ослепительный, а даже будто малость потрепанный, последовал за ней:

– Не в этом дело. Просто человек с такими связями, как

у вас, в семье – большая удача. Финансовые дела дома Каравалли, знаете ли, не очень успешны...

Инга закатила глаза. Ну, конечно, все в дом, все в семью. Джакомо стоит убить.

Нет, предварительно уничтожить, а потом убить.

Инга поправила очки, повернулась к мужчине и протянула руку. От невинного жеста князь отшатнулся. Инга рассмеялась:

– Не бойтесь. Я под прицелом видеокамер князьям пальцы не ломаю. Но впредь прошу не приближаться ко мне с подобными предложениями. И Джакомо передайте... Хотя нет. Джакомо я сама передам все, что о нем думаю. О нем и об этом нелепом сватовстве...

И она улыбнулась так, что бедолага голубых кровей вжал голову в плечи и постарался ретироваться.

– Вот так-то лучше, – Инга отряхнула руки и направилась к проспекту.

Шпильки впивались в тающий на солнцепеке асфальт, из-за чего Инга шла, неуклюже проваливаясь.

– Инга Павловна! – знакомый голос с парковки. Она обернулась: тонкий греческий профиль, чуть выющиеся волосы, идеальный костюм на идеально широких плечах. «Аполлон» Василий Швецов собственной персоной на собственном, судя по всему, автомобиле марки Пежо.

Инга окаменела на мгновение, затем медленно, походкой приготовившейся к прыжку пантеры, направилась к помощ-

нику.

– Не могу понять: вы меня преследуете?

Молодой человек пожал плечами.

– Я всего лишь выполняю свои обязанности. Ваш помощник – это ваша тень, ваша правая рука, видимый только тогда, когда его помощь действительно нужна. Вам же сейчас нужна моя помощь? – Инга с сомнением нахмурилась, переложила сумочку, поправила переданную итальянцами папку, но промолчала. – Куда вас отвезти?

– Учтите, я не собираюсь оплачивать вам это день как рабочий. – Инга прищурилась, посмотрела изучающе. Парень не изменился в лице, отозвался холодно:

– Считайте это демонстрационной версией. Куда вас отвезти? В офис?

Инга озадаченно кивнула и направилась к пассажирской двери.

Удивительно, но до офиса она так и не доехала. Через четверть часа после того, как она села в серебристый Пежо навязчивого калужского интригана, она почувствовала, как смыкаются глаза.

Утро

Спать на раскладушке оказалось неудобно: утром ныла не только спина от копчика до шеи, но и все ребра. Это уже напомнила о себе старая травма, еще времен беспокойного калужского детства. В девять лет Василий полез на стройку и свалился с третьего этажа. Повезло, что на кучу песка, а не на битый кирпич или арматуру. Месяц он провалялся в больнице, потом еще полгода ходил в специальном корсете, за что получил в школе прозвище «балерина». С тех пор поврежденные ребра напоминали о себе перед ухудшением погоды или вот после такой ночи.

Первым делом Василий проверил входящие звонки и почту с сотового. С разочарованием вздохнул – письмо, которое он ждал уже несколько недель, так и не пришло. Зато было сообщение от сестры – у мамы состояние стабильно тяжелое. Транспортировка в другую клинику пока невозможна, операцию перенесли. А значит, мама все еще находится в заложниках.

Это выяснилось накануне отъезда. Черемисов приехал к Василию домой.

«Вася, ты всегда был моим лучшим учеником, и сейчас ты определенно превзошел своего учителя, – начал гость. – Снимаю шляпу. И давай начистоту... У тебя есть кое-что, что может мне навредить. Я хочу, чтобы ты вернул это мне».

«С какой стати?»

«Ну, вот смотри, дорогой мой, расклад такой: у тебя, как я помню, мама ждет серьезную операцию, если мне память не изменяет, ты деньги искал... Так вот, я могу сделать так, что операция не состоится. Ну, по медицинским, конечно, показаниям. Мы оба с тобой юристы и прекрасно знаем, как сложно что-то доказать в спорах вокруг медицинских услуг. Так что... Или ты возвращаешь документы, или твоя мама умрет, не дождавшись операции. Расклад такой».

Тогда Василий решил, что Черемисов блефует. Человек, который сейчас так хладнокровно угрожал ему, знал его со студенческой скамьи, верил в него и в его талант, и вообще был для него учителем, который привел в профессию и вдохновлял своим примером. Швецов просто не верил, что мог так ошибаться.

Зря.

Он передал документы в местный следственный комитет, но те куда-то исчезли, как и регистрационная запись о факте их приемки.

Об этом он узнал, уже приехав в Москву. А маме отменили операцию. В заключении значился и отказ от транспортировки в другую клинику.

Все эти месяцы – словно на пороховой бочке. Поддерживающая терапия, лекарства, но мама угасала. Он уже хотел согласиться на условия Черемисова, когда на него вышел один из бывших сотрудников фирмы «Черемисов и партне-

ры». Тогда Василий понял, что, даже передав документы, он не спасет маму.

Значит, оставалось идти до конца.

Значит, приходилось ждать нужного, последнего документа.

Который поможет решить все.

И именно он никак не поступал в руки Швецова.

Василий сел, размял плечи.

Впервые порадовался тому, что купил квартиру с большой кухней – и раскладушка поместилась, и сейчас нужно только протянуть руку к кофеварке, чтобы скрасить это нелепое утро.

Что произошло накануне, он так и не понял, но лучшее, что мог сделать – сделал. Хотя сейчас, когда солнце заглядывало через занавески, эта уверенность таяла. Он чувствовал, что находится на пороге грандиозного провала.

«Ну, не зверь же она», – утешил он себя.

Выбравшись из-под одеяла, собрал постельное белье и спрятал раскладушку в шкаф в коридоре. И только тут сообразил, что одежда осталась в спальне, в которой... Нет, туда входить нельзя. Василий скептически посмотрел на себя в зеркало, висевшее в холле: из одежды на нем только «гавайские» шорты, волосы – это проклятие от рождения – слежались и теперь торчали, как львиная грива, вид глуповатый.

«Ну, кажется, все равно я работу потерял, так что, наверно, не очень-то и важно, как я сейчас буду выглядеть». Он

пожал плечами и вернулся на кухню, чтобы приготовить завтрак и заварить кофе.

Под сердцем плескалась тревога: вчера, когда он подъезжал к дому, он видел знакомый силуэт, который здесь, в Москве, меньше всего ожидал увидеть.

«Может, показалось?» – без особой надежды подумал он, вытаскивая из хлебницы хлеб для тостов.

В чужой постели

Она помнила чувство тошноты. Как оно напало, омерзительно давя под ребрами. Как серо-зеленые круги расцветали в темноте, топя ее в чем-то приторно-сладком. Вязкое ощущение вне себя и собственного тела, мышечные спазмы и последовавшее за ними тяжелое забытие.

Она очнулась в темноте, словно сбрасывая наваждение, в один миг. Как ледяным душем окатили чужие запахи, чужие звуки и чужая постель. Последнее отрезвило больше запахов и звуков. Инга подскочила, ее тут же «повело» – перед глазами расцвели радужные пятна, подступило чувство дурноты и потливой слабости. Но даже это не могло отвлечь ее от осознания, что она – в незнакомой комнате. Небольшая, метров девять всего, педантично прибранная. Светлое кресло справа от кровати, на нем дымчато-голубой плед в аристократичную клетку, журнальный столик с торшером – слева от кресла. На столике – стопка книг. Плохое зрение Инги не позволило прочитать названия. Глубокий платяной шкаф с зеркалом. На приоткрытой дверце, на вешалке, висят ее брюки и отглаженная блузка.

По спине, методично пересчитав позвонки, пробежал холодок: мало того, что она оказалась в чужой комнате, в чужой постели, так еще и в одном белье. С прикроватной тумбы незнакомой трелью звенел будильник чужого сотового.

Инга подтянула одеяло к шее, подобрала под себя ноги.

В коридоре послышались шаги. Не осторожные, не крадущиеся. Обычные шаги, какими передвигаются по собственной квартире. Замерев за дверью, их обладатель деликатно постучал и заглянул в комнату. В проеме показалась взлохмаченная голова вчерашнего авантюриста из кадрового агентства.

– Доброе утро, Инга. Надеюсь, вам уже лучше.

«Что между нами вчера произошло, что он уже называет меня *Инга*? – мелькнула в голове мысль, бросившая ее обладательницу в холодный пот. – Что между нами *не* произошло, что он обращается все еще на *вы*?»

– Д-доброе утро, – язык прилип к небу, горло пересохло. – Где я?

Василий приоткрыл дверь шире, застыл в проеме: пестрые домашние шорты, в меру подкачанный обнаженный торс, прическа как у цветущего одуванчика – волосы торчат в разные стороны. Он их пригладил широким движением. «Красив, подлец», – опять отметила про себя Инга и автоматически пригладила собственную макушку, но так, чтобы обнаженные плечи полностью скрывались под одеялом.

«Аполлон» изумился:

– Неужели вы ничего не помните?

Инга задумалась и покачала головой: ничего. Василий скрестил руки на груди.

– Ну что ж... Вы у меня дома. Вчера в машине, когда мы

отъехали от посольства, вам стало плохо, вы потеряли сознание. Вас вырвало. Не помня вашего домашнего адреса, я не нашел ничего лучше, чем привезти вас к себе. Здесь я помог вам раздеться. Блузку и испачканные брюки я отправил в стирку. Вы уже спали, когда я повесил их сюда после сушки...

Он замолчал, с интересом разглядывая женщину, к которой медленно возвращалось самообладание. Оправив волосы, она убрала прядь с лица, величественно кивнула.

– Благодарю вас. Как мне узнать, который час? – фраза, достойная английской королевы, заставила Широкову покраснеть – королева из нее в это утро так себе. Инга поджала губы, заправила за ухо светлую прядь.

Василий усмехнулся, отчего на щеках появились ямочки, сделавшие его похожим на подростка. Он прошел к прикроватной тумбочке, взял сотовый и, посмотрев на экран, сообщил:

– Без пяти минут десять, – и не без удовольствия отметил, как его собеседница переменялась в лице и как в ее глазах заплескалась паника.

– Как без пяти десять?! – Она побледнела. – Господи!

Забыв о приличиях и о присутствии молодого человека, Широкова выскочила из-под одеяла и бросилась одеваться, причитая на ходу:

– У меня исковое не отправлено, в десять встреча с адвокатом Магринычева. А это такой жук... Это такая сволочь, –

она с чувством махнула рукой, – да что я вам объясняю! Почти десять, а я черти где! Кстати, где я? – Заметив недоумение в глазах Василия, она уточнила: – В смысле, в какой части города я нахожусь?

Она металась по спальне, торопливо натягивая брюки, впихивая себя в узкие рукава блузки.

Василий спокойно наблюдал за происходящим. Вздохнув, сообщил:

– Вы находитесь на Щелковском шоссе. И хоть вы вчера и уверяли, что в моих услугах больше не нуждаетесь, я взял на себя смелость перенести встречу с адвокатом Магринычева на вторую половину дня, на три часа, сославшись на неотложное заседание в Правительстве Москвы.

Инга, открыв рот, замерла, уставилась на Василия. Брюки остались не застегнутыми на молнию, блузка распахнута на груди, и тонкое кружево бюстгальтера едва прикрывает худую и не впечатляющую грудь – предмет девичьих комплексов и печалей с восьмого класса. Швецов уточнил:

– Мне показалось, что срочное заседание в Правительстве Москвы добавит вам очков в глазах адвоката.

Инга шумно выдохнула.

– Это вы все специально подстроили, да? – она указала на чисто прибранную комнату, посмотрела на собеседника с вызовом. – Вы меня опоили чем-то? Чтобы... Чтобы что?

Она нахмурилась: никакой, даже самый невероятный сценарий не предоставлял калужскому Аполлону мотивов при-

возить ее в свою квартиру. Она – не дама из XIX века, которую можно скомпрометировать проведенной в квартире незнакомца ночью. Широкова упрямо вздернула подбородок.

Швецов протестующе вскинул руки.

– Э-э не, так не пойдет, – молодой человек покачал головой. – Все вопросы не ко мне. Я вас не травил, у меня в машине вы ничего не ели и не пили, так что вспоминайте сами, где могли травануться.

Женщина перевела дыхание и, забыв о своем растрепанном виде, медленно опустилась на край кровати. Василий прав, если она и отравилась, то не в его машине. Она пила кофе утром, дома, потом перекусила в офисе тем, что нашла в холодильнике. Последний раз пила кофе с лимонными дольками в итальянском посольстве. Получается, в посольстве?

Идея показалась невероятной.

– Кофе будете?

Инга автоматически кивнула: мозг, будто шарик пинг-понга, гулко стучал внутри черепной коробки, комната все еще «плыла», и чашка кофе внушала надежду на второе дыхание. Молодой человек сочувственно посмотрел на нее и исчез в полумраке коридора, бесшумно притворив за собой дверь. Инга слышала, как зашипел чайник, затем пару раз хлопнули дверцы кухонных шкафов и приглушенно звякнули чашки.

Надо собираться.

Запахнув блузку, она выскользнула из спальни. В квартире – малогабаритной хрущевке-распашонке – витал аромат свежемолотого кофе и горячих бутербродов с сыром и зеленью. Желудок простонал и расширился в размерах, явно собираясь впихнуть в себя побольше, но не зная, получится ли это «после вчерашнего».

«Что, кстати, вчера все-таки произошло? Надо выкинуть все из холодильника в офисе», – решила Широкова, крадясь по коридору незнакомой квартиры. Не итальянцы же ее отравить решили, хотя... Инга представила, как ее бездыханное тело очнулось бы в спальне князя Каравалли. От картинки скрутило живот и к горлу подкатила тошнота. Чтобы переждать приступ, Инга прислонилась к стене и шумно выдохнула.

Очевидно, слишком шумно – из кухни показалась взъерошенная голова «Аполлона», на плечах которого плескалось оранжевое солнце, а волосы на голове светились подобно нимбу.

– Вам помочь?

– Ванная где?.. Подскажите, пожалуйста.

Он понимающе кивнул, вышел из кухни в коридор, прошел мимо Инги, пощекотав ноздри тонким ароматом бергамота и иланг-иланга, и распахнул дверь прямо напротив того места, где стояла Широкова.

– Чистое полотенце на тумбе. – Он указал внутрь, сделав при этом предельно вежливый приглашающий жест.

Ни тени иронии. Ни капли эмоций. Просто вышколенный дворецкий герцогини Кембриджской. Инга перевела взгляд на интерьер ванной комнаты – золотисто-бежевая плитка в античном стиле, небольшие бра, от которых струился мягкий свет. Поблагодарив, просочилась мимо Швецова и, хлопнув дверь перед его носом, включила воду.

Быстро принять душ, смыть липко-навязчивые запахи, чужие и раздражающие. Потом думать, что произошло и почему. Уперев ладони в края раковины, Инга с сожалением уставилась на свое отражение, еще более помятое и непривлекательное, чем обычно. Еще и с черно-серыми потеками туши и размазанными тенями. Черт бы побрал эти модные «смоки-айз». Вздохнув, Инга прикинула, что из косметики с собой у нее только тушь для ресниц и палетка теней. Тональный крем и консилер сегодня бы точно не помешали: синие мешки под глазами, бледный носогубный треугольник, вид потрепанный. И будто накинули к ее тридцати восьми еще пяток лет. Инга простонала, схватилась за виски и отвернулась от зеркала: что за невезенье такое.

Наглость – второе счастье

Ей потребовалось десять минут, чтобы почувствовать себя на девяносто пять процентов в своей тарелке. Холодная, собранная, ироничная.

Стерва – одно слово. Хоть и потрепанная нынче, будто дворовая кошка. Но кому какое дело? В конце концов, она большая девочка, чтобы не обращать внимание на то, что болтают у нее за спиной. Нацепив кривую усмешку, она посмотрела с вызовом на собственное отражение и выскользнула в коридор.

Василий, уже в деловой рубашке, светло-бирюзовой, от-тенявшей его золотистые кошачьи глаза, в бежевых летних брюках, пил кофе и доедал бутерброд. Прическа а-ля летний одуванчик снова приняла пижонски-аристократический вид.

При появлении Инги Василий окинул ее быстрым взглядом, встал и выверенными движениями налил из турки чашку ароматного и горячего кофе. Поставив ее на стол напротив своего места, придвинул сливки, сахарницу и тарелку с бутербродом. Все это было сделано ловко, молчаливо и как-то буднично, словно в его квартире постоянно ночуют начальницы. Инга вздернула брови, а хозяин квартиры тем временем успел вернуться на свое место. В его глазах играло любопытство и застыл немой вопрос, на который Ин-

га не готова была ответить. Да, помощник оказался вчера очень кстати. Да, судя по комментариям к иску «Мерилл Консалтинг», он наверняка хороший специалист с наметанным взглядом, чутьем и знанием арбитражной практики. Да, он мог быть полезен фирме.

...Нет, Широкова не могла ему это сказать и оставить своим помощником.

Усаживаясь на предложенный стул, Инга посмотрела на Василия и прищурилась, продолжая мысленный диалог с собой. Она вообще иногда говорила сама с собой. Внутренний голос привык быть болезненно откровенным и сообщать без обиняков самые неудобные вещи.

«Ты не можешь взять его на работу», – упрямо подытожила она, взвесив все «за» и «против».

«А почему, собственно?» – эта мысль не давала ей покоя, будоражила и выбрасывала из прежнего, выбранного раз и навсегда ритма.

«Потому что все скажут, что вы любовники. Вот почему».

«Идиотизм», – сама себе ответила она.

«Потому что он красив, обходителен, а ты одинокая немолодая стерва».

– За «немолодую» ответишь, – пробормотала Инга себе под нос, и, поймав удивленный взгляд молодого мужчины, поняла, что последнюю фразу произнесла вслух.

«Идиотка», – она все-таки покраснела, хотя в ее возрасте должна была уже от этого отвыкнуть, поправила прядь волос,

установилась в матовую мглу напитка. Там, в коричнево-черном кружке, отразился ее вздернутый нос, слишком тонкие и ни капли не чувственные губы.

– Почти одиннадцать, – сообщил «Аполлон».

– Да-да, я готова, – Инга сделала пару больших глотков обжигающе крепкого кофе и встала из-за стола.

Они вышли из панельной пятиэтажки в крохотный убитый двор с выщербленным асфальтом и покосившимися ограждениями – Широкова и не подозревала, что в Москве еще такие встречаются. Швецов, как показалось Инге, немного нервничал: она успела заметить, как молодой человек пристально взгляделся в сидевшего в черном «мерседесе» водителя. И будто бы у него изменилось лицо – стало острее, напряженнее. «Показалось», – отмахнулась Инга.

На парковке в торце дома она заметила знакомую серебристую иномарку и шагнула к ней.

– Я вызвал такси, – Швецов едва коснулся ее локтя, останавливая. Перед подъездом их действительно ожидал автомобиль с черно-белыми шашечками.

Инга замерла, в серых глазах мелькнуло и погасло недоумение. Вспомнилась фраза «Вас вырвало... Блузка и брюки оказались испорчены». Инга медленно перевела дух, прикрыла глаза:

– Черт, я вам химчистку салона должна, верно?

Василий неопределенно повел плечами, посмотрел в сторону. Солнце золотило кожу, подчеркивало его точеный про-

филь. Инга почему-то думала, что он благородно откажется от оплаты химчистки салона. Людям с профилем греческого бога должно быть свойственно великодушие.

– Я думаю, это будет справедливо, – вопреки ожиданиям, произнес он. – Я принесу вам чек.

«И это будет еще одним поводом прийти в мой офис», – догадалась Инга. По улыбке, скользнувшей по губам «Аполлона», она поняла, что он подумал именно об этом.

«Идиотка, – резюмировала она про себя. – Ты попалась, как восьмиклассница».

– Договорились, передадите через секретаря. – Поджав губы, Инга подхватила сумку и вчерашнюю папку с бумагами, поспешила к такси.

С чего это она вообще нафантазировала про благородство и божественный профиль.

«Назойливый слащавый карьерист. И наверняка альфонс», – решила она, уже усаживаясь на заднее сиденье такси. «Аполлон» распахнул дверцу с другой стороны и опустился рядом.

– Вы со мной? – Инга подобрала брошенную рядом папку и дамскую сумочку, чтобы идеальный зад «Аполлона» не раздавил ее сотовый и косметичку.

Парень изогнул бровь и объявил:

– Вы же не пригласили на мое место помощника, который бы вас устраивал: мой менеджер в кадровом агентстве сообщила, что подходящей кандидатуры у них пока нет.

– Аферист...

Инга отвернулась, уставилась в окно: этот малый определенно далеко пойдет с такой наглостью и бесцеремонностью. Но, в конце концов, это его проблемы. Хочет убить время на бесперспективную работу – пусть.

«Оплачу ему эти несколько дней и химчистку салона, пусть подавится», – решила она, закусив губу. У сотового села батарейка, часы показывали почти одиннадцать. Как там ее «Jus Olympic»?

Отвернувшись к окну, она не увидела, как оглянулся Швецов, когда они проезжали мимо припаркованной у подъезда иномарки, и как та, плавно качнувшись, последовала за их такси. Тем более Инга Швецова не обратила внимание на то, что черный «мерседес» провожал их до самого офисного центра.

Приключения начинаются

Выходя из такси, Инга отметила, что паразит дал координаты «Jus Olympic» для оплаты проезда, и мысленно отминусовала эту сумму из премии, которую уже хотела было ему заплатить при расставании.

Не обращая внимание на Швецова, Инга направилась к стеклянным дверям бизнес-центра. В глаза бросилось отсутствие курильщиков из ее офиса, которые обычно собирались под разлапистой кривой елью: неужто работают? Не оглядываясь на следовавшего за ней по пятам «Аполлона», она стремительно миновала холл, прошла к лифтам – двери словно по команде распахивались, в спину летели любопытные взгляды. Инга с силой нажала на кнопку семнадцатого этажа, не без злорадства отметив, что калужский карьерист отстал, и в кабине лифта она поднималась в одиночестве. Так, с кривоватой и самодовольной ухмылкой она и появилась в холле собственного офиса, под эмблемой «Jus Olympic» – золотой орел с расправленными крыльями и свитком пергамента в лапах.

Хотя Инга всегда думала, что на эмблеме орлица.

Широкову встретил привычный аромат смеси кофе со сливками, ненавязчивого и дорогого парфюма и свежей выпечки. К начальнице бросилась перепуганная, бледная до трясущихся губ и зеленых мешков под глазами Татьяна,

офис-менеджер.

– Инга Павловна! Я до вас все утро не могу дозвониться! Звоню, звоню, а у вас вне зоны действия сети, – выпалила она скороговоркой и добавила потусторонним шепотом: – У нас проверка!

Широкова, не замедляя шаг, кивнула:

– Хорошо, пусть проверка. Почему такой вид испуганный? Или к нам с проверкой пожаловали белые ходоки⁵?

– Не-ет, – Таня округлила глаза с выражением нечеловеческой скорби. – *Налоговая!*

Широкова не разделяла необоснованной паники сотрудницы и списала ее на молодость и неопытность. На памяти начальницы это была первая налоговая проверка за весь трудовой стаж Татьяны.

– Налоговая так налоговая. – Инга была спокойна, как танкист в броне: давно, еще на заре карьеры она на собственной шкуре поняла, что кадры решают все, и планомерно избавлялась от случайных людей в «Jus Olympic». Только «повернутые» на своей работе юристы, только педантичные до тошноты бухгалтера и экономисты, только тихие и несуетливые секретари с высокой стрессоустойчивостью. Таня сейчас неприятно удивила начальницу: очевидно, Инга ошиблась в ней при трудоустройстве. – Полина Артемовна уже в курсе? Когда надо приехать к ним?

⁵ Вымышленная нечеловеческая раса из книги «Песнь льда и пламени» Джорджа Мартина и сериала «Игра престолов».

Таня еще больше округлила глаза и побледнела. Ловко вынырнув из-за плеча начальницы, перекрыла собой проход к кабинетам:

– Они ЗДЕСЬ.

Инга остановилась, оценивающе посмотрела на девушку.

– Выездная? – она автоматически поправила сережку и пожалала плечами: – Ну, выездная так выездная. Кто приехал, Василь Егорович? – Василий Егорович Темрюк был их инспектором уже лет пять, очень толковый и грамотный, спокойный и не злобствующий понапрасну специалист. Нормальный адекватный мужик.

Татьяна мотнула головой:

– Пузанков.

Вот это сюрприз. Пузанков – специалист новый, закрепленный за другими организациями. И слухи о нем ходили противоречивые. Но это ладно. Главное – Инга знала это совершенно точно – он занимался валютными операциями и крупными налогоплательщиками. Очень крупными. Ингина «Jus Olympis» для него – как для атомного ледокола «Якутия» Борисовские пруды.

«Чего его к нам занесло? – удивилась она. – Может, Василь Егорович в отпуске или часом заболел?»

– Хорошо, Пузанков так Пузанков, – она пожалала плечами, выровняла дыхание и, величественно отодвинув офис-менеджера, направилась к кабинету главного бухгалтера, где, очевидно и засел налоговый. Инга шла, на ходу надевая бе-

лозубую улыбку и обрастая флером непробиваемой уверенности человека, которому нечего скрывать от контролирующих органов и нечего опасаться.

Одно было скверно и отравляло чувство уверенности: отсутствие тонального крема и нормального макияжа. «Надо было тормознуться у магазина косметики», – мелькнуло в голове и сразу как-то затерялось под давлением паники, выплескивающейся из бухгалтерии.

«Да что там в самом деле происходит?».

Темные пятна

Швецов был даже рад, что, выбравшись из такси, Инга сломя голову помчалась в офис. У него появилась возможность оглядеться и кое-что выяснить. Он проводил начальницу до дверей бизнес-центра, где задержался, чтобы переброситься парой незначительных фраз с охранником.

Пожилой отставной военный отложил кроссворд, посмотрел на него с удивлением. Швецов улыбнулся.

– Что, сегодня спокойно? – спросил он, кивнув на мониторы.

Охранник неопределенно пожал плечами, отозвался уклончиво:

– Да как сказать...

– А как есть, так и говорите.

– А вы кто, собственно? – охранник прищурился.

– Помощник Широковой.

Пожилой мужчина скептически хмыкнул, окинул Василия взглядом с ног до головы:

– Сочувствую.

– Да нет, она вполне нормальный руководитель...

– Да я не об этом. К вам товарищ из налоговой в девять ноль-ноль поднялся. В очень нехорошем расположении духа, – он со значением выдержал паузу, наблюдая, как собеседник слушает его вполуха, поглядывая то на направившу-

юся к лифтам Широкову, то на парковку. Молодой щеголь в светло-сером летнем костюме явно чего-то ждал. Охранник проследил за его взглядом – на парковку заехала и остановилась поодаль от входа черная иномарка.

Швецов кивнул, отозвался рассеянно:

– Да-да, налоговая, хорошо...

– Да что ж хорошего... – начал охранник.

Собеседник его не дослушал. Дождавшись, когда Инга скроется в кабине лифта, Василий развернулся и направился к выходу. Быстро спустившись по мраморным ступеням, стремительно пересек парковку и остановился у капота той самой черной иномарки. Охранник успел разглядеть ее госномер – не московский. На всякий случай записал его.

Швецов остановился напротив водителя, сунул руки в карманы брюк. Посмотрел сверху вниз.

Охранник не видел – солнце падало как раз на лобовое стекло «мерседеса», – как водитель автомобиля кивнул помощнику Широковой, приветственно махнул рукой.

Швецов обошел машину, подошел к водительской двери. Дождался, когда стекло опустится.

– Здравствуй, Васенька. Никак, ты нашел нового хозяина? Вернее, хозяйку...

Взгляд Швецова похолодел и застыл, на лице промелькнуло и погасло раздражение:

– С каких это пор у меня хозяин появился?

– У каждого из нас есть хозяйка. И они очень обижаются,

если о них забывают.

– Вы меня преследуете?

Водитель посмотрел на него с издевкой, улыбнулся:

– Упаси боже. Мимо проезжал...

– Мимо чего? Мимо Генеральной прокуратуры?

Водитель улыбнулся еще шире, правда, улыбка оказалась похожа скорее на волчий оскал:

– Хотел убедиться, что ты не наделаешь глупостей.

Василий подавил раздражение, качнулся на носках:

– Еще немного, и я просто страсть как захочу наделать глупостей.

Водитель покачал головой:

– Не стоит. Федор Борисович будет очень расстроен. А когда он расстроен, у всех начинаются проблемы, – и он выразительно кивнул на двери бизнес-центра за спиной Василия.

– Угрожаете?

– Предупреждаю.

Швецов шумно выдохнул. Вытащив руки из карманов брюк, положил их на крышу «Мерседеса».

– Передай Черемисову, что все, что я хотел сказать, я уже сказал. С его «шестерками» я беседовать не желаю. И хочу предостеречь от излишней назойливости: оригиналы документов в надежном месте, но стоит мне исчезнуть, весь пакет отправится прямиком на стол прокурора.

Водитель так сильно сжал челюсти, что Василий услышал, как скрипят зубы.

– Вот сейчас ты обидеть нас хочешь, – прошипел сидящий в машине.

– Отвали! – рывкнул Швецов. – И чтобы я никого из ваших не видел ни здесь, ни около дома моего, ясно?

– А то что?

– А то занервничаю, и отправлю документы по назначенному адресу!

Он оттолкнулся от машины, развернулся и направился к бизнес-центру.

Водитель зло усмехнулся, посмотрел ему вслед тяжело, словно примеряясь, как вцепиться зубами покрепче и полоче.

– Вася! Балерина!

Швецов остановился, медленно развернулся к водителю «Мерседеса». Теперь их разделяло около пяти метров. Мужчина в салоне ослабил:

– Не забывай смотреть по сторонам, а то мало ли какие несчастные случаи в Москве случаются...

«Мерседес» плавно поехал к выезду с парковки. Василий долго смотрел ему вслед, просчитывая риски: Черемисов не успокоится, он выяснил, где Василий живет, где работает. Причем последнее смог установить буквально на второй день после трудоустройства. Является ли пакет компромата сдерживающим фактором или станет той самой красной тряпкой для быка – ответа он не знал.

«Нужно быть осмотрительнее», – решил он.

Развернулся и направился в офис.

Главбух и другие ценности

Полина Артемовна Федорчук – грузная дама с зефирно-бледным лицом и модным «ежиком» платинового цвета на голове, недавно отметившая пятидесятипятiletний юбилей – занимала пост главного бухгалтера «Jus Olympic» без малого семь лет. Ее ничто не интересовало, кроме цифр. Баланс был ее фетишем. Ровные ряды цифр в табличке – ее богом. Она не курила, не участвовала с девочками из финансового отдела в посиделках и чаепитиях, но при этом была в курсе всего. Она сидела за стеклянной перегородкой, отделявшей ее от команды бухгалтеров, финансистов и экономистов, словно снежная королева – в идеальном порядке, в окружении хрустальной чистоты и при этом у всех на виду.

Надо ли говорить, что Инга была уверена в ней больше, чем в себе.

Заставить паниковать Полину Артемовну – штука невозможная, нереальная, невероятная: у нее ни один мускул не дрогнул, когда в две тысячи четырнадцатом обвалился курс рубля, а у «Jus Olympic» депозиты. Она трое суток не уходила домой, выгадывая на разнице в курсах по кредитам в рублях и вкладах в валюте, что позволило Инге в итоге остаться в приличном плюсе и вовремя закрыть валютные сделки.

Но сейчас Полина Артемовна оказалась краснее помидора. Напротив нее вальяжно устроился Павел Пузанков: ам-

бициозный брюнет с взглядом бультерьера и челюстью Щелкунчика заполнял журнал проверки.

– Добрый день, Павел Игнатьевич, – пропела Инга, появляясь в «аквариуме» главбуха и ослепительно улыбаясь. Протянула налоговнику руку, приветливо поздоровалась с Полиной Артемовной.

Инспектор привстал, пожал изящные пальчики, кивнул на притихшую главную бухгалтершу:

– А мы тут с Полиной Артемовной уже беседуем, вас заждались. – Пузанков противно хихикнул – будто бисер рассыпал по мраморному полу. – Немного нервишки вам потреплю с вашего соизволения, Инга Павловна, дорогая. Не обессудьте – работа такая.

Инга раздраженно повела плечом: с чего, интересно, молодежь придумала оригинальничать, изъясняясь в стиле героев «Ревизора»... Хотя, подумав, она вынуждена была признать, что некоторая ирония в этом была. Инга придвинула стул, бросила сумочку на тумбу для оргтехники и поправила воротник блузки. Вздохнула:

– Ой, да какие там нервишки... Вы же знаете, у нас все, как в аптеке. – На этой фразе Полина Артемовна икнула. Инга изогнула бровь, но в целом вида не подала. – Вы какими судьбами к нам, Павел Игнатьевич? Вроде не планировали же. – Она улыбнулась, излучая уверенность в собственной правоте и непогрешимости, и старательно игнорируя покрасневшее, в бисеринках пота, лицо Полины Артемовны.

– Да вот, руководство направило, – он неопределенно кивнул куда-то в пространство.

Инга прищурилась, еще больше напомнив налоговику готовую вцепиться в глотку тигрицу:

– А предмет проверки можно узнать? Период? – Указательным пальцем она подтянула к себе бланк распоряжения, вздохнула: – Наталью Игоревну отчего же вы не позвали?

Она уколола взглядом главбуха: Наталья Тухтамыш, сотрудница Ларочкиного отдела арбитражной практики, отвечала за работу с госорганами. Пригласить юриста из соседнего кабинета при начале проверки – это первый пункт внутренней инструкции, который по неведомым Инге причинам впервые был сейчас напрочь проигнорирован главным бухгалтером.

Полина Артемовна округлила глаза:

– Как же не позвали? Только что вышла, на пять минут.

Инга лениво подперла голову кулаком, развернула к себе бланк распоряжения о проведении проверки. Взгляд цеплялся за ровные букочки. Все по форме. Но она замерла на графе «основание». Сердце оборвалось, сделало произвольный кульбит и вернулось на прежнее место.

«Требование прокуратуры? В самом деле?»

Пузанков между тем подsunул ей лист приказа, ткнул ручкой в строку, где следовало поставить подпись.

Инга величественно собрала листки, улыбнулась:

– Я почитаю у себя в кабинете и все подпишу, вы же не

сию секунду нас покидаете? Так что проверять-то будем?

Инспектор ухмылялся.

– Да так, по мелочи. Правильность исчисления налогов проверим, за прошлый год.

Инга просияла:

– Вот и отлично. В каком порядке будем работать, вы уже обсудили с Полиной Артемовной? – она исподтишка посмотрела на Федорчук: та, воспользовавшись передышкой, пришла в себя, краснота с лица спала, взгляд стал изображать что-то еще, помимо испуга.

Пузанков вздохнул, уперся локтями в столешницу.

– Кабинетик мне Полина Артемовна уже любезно выделила. Реестр накладных, счетов из программы за нужный период выкатила, я сверюсь с представленными в инспекцию данными, – инспектор всем своим видом изображал дружелюбие. Он поднялся с места. – Мне будут нужны оригиналы документов. Так что увидимся еще сегодня, не будем друг друга задерживать.

Он неторопливо вышел из стеклянного аквариума, в котором работала главная бухгалтерша. Инга смотрела ему в спину, ощущая неуловимый флер тревоги, перебросившийся с Полины Артемовны на нее.

– Что происходит, Полина Артемовна? – процедила Инга сквозь зубы, продолжая лениво улыбаться. – Что за паника, суета?

Протяжный вздох разогнал по кристально чистому каби-

нету горький аромат «Ангела» Мюглера⁶.

– Он ищет что-то конкретное, – пробасила Федорчук, отодвинув в сторону архивную папку.

– С чего именно вы так решили? Он так сказал?

– Назовем это интуицией.

Инга вздохнула:

– А что именно он ищет – интуиция молчит?

Полина Артемовна пожала покатыми плечами. Кажется, она уже совсем пришла в себя, или так отрезвляюще на нее подействовало появление начальницы.

– Понятия не имею, – бросила Федорчук, стягивая с полных пальцев кольца – верный признак того, что настроение у нее окончательно испорчено. – Но он особенно тщательно собирал данные за второй квартал прошлого года.

Инга нахмурилась:

– А что у нас было во втором квартале прошлого года? Что-то крупное? – она прищурилась, вспоминая.

– Ничего особенного, это и странно, – Полина Артемовна взяла в руки гигантский, как ее фигура, степлер, заправила скобами. – Вы были в командировке с пятнадцатого по восемнадцатое апреля, два раза выступали по иску Rubinoff к Райффайзену. Что еще? Закрыли сделку по AFS, там страховая покрыла убытки по поврежденным контейнерам. Это уже в мае платеж был... Работа с американцами по девелоперскому контракту. В июне вообще все спокойно, как в бо-

⁶ Парфюм «Angel» дома MUGLER.

лоте. Отпуска начались.

– Как в болоте, – Инга задумчиво расставляла по полочкам прошлогодние события, изучая носок собственной туфельки. Что-то важное было в этих числах, что привлекло внимание высокого налогового начальства. Настолько важное, что на нее натравили Пузанкова, отстранив от работы Темрюка. Но что – она не понимала. – Обратите внимание на валютные операции, курсовые разницы. И, Полина Артемовна, еще раз проверьте, правильно ли исчислена налогооблагаемая база. На всякий случай. И если что, оперативно подавайте уточнение и доплачивайте. – Главбух недовольно хмыкнула, но спорить не стала. Инга покосилась на нее: – И еще. Обзвоните контрагентов, с которыми мы работали в тот период, возможно, у кого-то из них недавно прошли проверки, плановые ли, внеплановые ли. Так вот узнайте, как прошли, есть ли претензии.

– Думаете, встреча⁷?

Инга не стала отвечать – какое имеет значение, что думает она. Нужно понять в эти несколько часов, пока Пузанков «крыжит» нужные ему документы, что именно они ищут. Что именно она и Полина Артемовна Федорчук упустили. Потому что их риски – это риски их клиентов. А клиенты у «Jus Olympic» и так нервные.

⁷ Встречная налоговая проверка.

Сделка

Выйдя из кабинета главного бухгалтера, Инга не сдержалась, прикрикнула на девушек из финансового отдела, столпившихся в проходе.

– У вас работы нет? Что за коллекция изваяний!

Девушки стайкой испуганных стрижей разлетелись по рабочим местам, а Инга прошла к кабинету кадровика, который временно выделили инспектору Пузанкову. Заглянув внутрь, ослепительно улыбнулась:

– Павел Игнатьич, чайку не желаете? – Тот вскинул каменное лицо от бумага, дежурно оскалился:

– Благодарю душевно, но позже.

– Мигните, если вам что-то понадобится, – Ингу еще раз передернуло от вычурности речи инспектора.

Она выскользнула в коридор. Весть о проверке не только разнеслась по кабинетам подчиненных, но и успела обрасти невиданными подробностями и сплетнями. Инге пришлось заглянуть в отдел арбитражной практики, чтобы приструнить подопечных Ларисы. Она поторопила Наталью Тухтамыш вернуться на помощь Полине Артемовне – все-таки гораздо спокойнее, когда проверка проходит не только под бдительным контролем главбуха, но и юриста: надо – не надо, а кое-какие нарушения в работе проверяющих могут при необходимости свести на нет все результаты проверки.

Ну, или почти все.

Вот и сейчас Инга уже поставила «зарубку», что Пузанков явился в одиночестве, а в распоряжении налоговой значились его коллега с красноречивой фамилией Бóльский и еще один – Владимир Михайлович Василéвич.

Отдел по работе с физлицами в полном составе, вместе с его бессменным руководителем Котеночкиным Михаилом Михайловичем, чинно пил чай, и, судя по опустевшим вазочкам с печеньем, уже давно.

– Работаем, коллеги, работаем, – Инга выразительно повысила голос. – Михаил Михайлович, ну что же вы?

Котеночкин обвел присутствующих многозначительным взглядом:

– Разбавляем стресс.

Инга замерла в дверях:

– У вас-то какой стресс? Не к вам же проверка. – Покачав головой и осуждающе вздохнув, Широкова направилась в приемную.

К ее удивлению, там уже воцарился «Аполлон», а около него ворковала Танечка с ресепшн.

– ...Мы с вами вполне можем обеспечить взаимозаменяемость, – томно вещала она, облокотившись на столешницу и нависнув над Швецовым своим белоснежным жабо. – Одно ведь дело делаем.

Швецов ответил своим бархатным голосом:

– К сожалению, это вряд ли.

Инга не видела его лица, но по красноречивому тону помощника прекрасно его себе представила и ухмыльнулась.

Василий меж тем продолжал медово-ледяным тоном:

– Круг наших служебных обязанностей существенно различается. Да и, Татьяна, посудите сами: если бы Инга Павловна хотела поручить вам работу помощника руководителя, она бы не обращалась в кадровое агентство. Вы прекрасны на своем месте, – Швецов мягко и профессионально поставил девушку на место. – Только выходишь из лифта, а там – вы, как цветущая роза.

У Широковой свело скулы. «Ого, подхалим-то какой». Танечка, однако, ничего не заметила – просияла, запомнив из всего монолога только «цветущую розу». Завидев начальницу, роза поспешно подобрала жабо и ретировалась на свое рабочее место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.